

Ананьев Денис Анатольевич

**АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РУССКОЙ АМЕРИКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск
2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте истории Сибирского отделения Российской Академии наук

Официальные оппоненты:

Александр Александрович Иванов – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», кафедра истории России, профессор

Виктор Владимирович Миронов – доктор исторических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», профессор

Алексей Николаевич Худолеев – доктор исторических наук, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», кафедра истории и обществознания, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится 5 июня 2023 г. в 10 часов 30 минут на заседании диссертационного совета 24.1.067.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте истории Сибирского отделения Российской Академии наук (ИИ СО РАН) по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 300.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН и на сайте Института истории СО РАН (<http://www.history.nsc.ru>).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.В. Комлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы исследования обусловлена общей ситуацией в современной исторической науке – насущной потребностью в переосмыслении накопленного материала, что необходимо для определения задач нового этапа развития историографии в условиях ее «глобализации» и более интенсивного взаимодействия историков разных стран. Одним из результатов указанных процессов явилось постепенное отступление парадигмы национальной истории с доминирующих позиций, что сопровождается актуализацией регионоведческих исследований, в том числе – сибиреведческих. На протяжении нескольких столетий существенный вклад в их развитие вносили представители англо- и немецкоязычной историографии (прежде всего, исторической науки США, Канады, Великобритании и Германии). Западными историками-сибиреоведами велся самостоятельный поиск решения научных проблем, однако результаты их исследований не были в должной мере востребованы отечественной историографией, что объяснялось, прежде всего, влиянием политических и идеологических факторов, отсутствием должного уровня международного научного сотрудничества, невозможностью для зарубежных исследователей получить свободный доступ к российским и советским архивам в течение большей части XX века. Соответственно, в их адрес нередко звучали обвинения в слабом знании достижений российской историографии, использовании очень ограниченного круга источников, предвзятости и тенденциозности. Важно выяснить, в какой мере эти утверждения соответствуют действительности, принимая во внимание и тот факт, что выводы и оценки, сделанные ведущими англо- и немецкоязычными исследователями, учитывались при выработке политического курса их стран в отношении России. Очевидно, что объяснение различий в позициях ученых предполагает изучение теоретико-методологических оснований зарубежного сибиреведения, истории формирования его источниковой базы, деятельности основных исследовательских центров и научных школ, научного наследия наиболее ярких историков-сибиреведов, без чего трудно объективно судить об их вкладе в изучение основных проблем истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, а также об итогах и перспективах развития российской историографии. Актуальность восполнения существующего пробела в отечественной исторической науке несомненна.

Степень изученности темы. Англо- и немецкоязычная историография, посвященная истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв., еще не стала предметом комплексного историографического анализа. Отдельные работы отечественных и зарубежных авторов, затрагивающие различные аспекты темы, можно разделить на несколько групп или блоков. **Первый тематический блок** включает в себя труды, содержащие **общую характеристику западного сибиреведения, его основных**

этапов, анализ его организационного и институционального развития, схолярной проблематики. Советские историки обратились к изучению англоязычной (прежде всего, американской) историографии Сибири в середине 1940-х гг., что объяснялось, в первую очередь, изменением геополитической роли СССР и США в ходе Второй мировой войны и необходимостью переосмысления исторического прошлого двух сверхдержав. В статьях В.К. Яцунского и В.В. Покшишевского давалась весьма высокая оценка работ, опубликованных историками Калифорнийской школы (Р.Дж. Кернером и его учениками), поставившими задачу «систематического построения» истории России с историко-географической точки зрения¹.

По мере обострения идеологического противостояния капиталистической и социалистической систем в условиях холодной войны, отношение к западным исследователям сибирской истории становилось менее благожелательным. Задача написания обобщающего историографического труда о зарубежном сибиреведении, поставленная в начале 1960-х гг. Е.М. Жуковым и В.И. Шунковым, так и не была решена советскими историками. Отдельные аспекты темы затрагивались в статьях и монографиях, посвященных зарубежной историографии в целом, смежным историографическим проблемам, а также в рецензиях на наиболее заметные зарубежные исследования по истории Сибири.

Историографические исследования отечественных авторов (Е.В. Алексеевой, Т.В. Воробьевой, В.Н. Чернавской и др.), в которых содержалась общая оценка итогов и перспектив развития западного сибиреведения, появились в 1990-х – начале 2000-х гг.² В англоязычной историографии проблемы организационного развития западного сибиреведения и роль отдельных историков рассматриваются в трудах Б. Дмитришина, Дж. Стоуна, М. Пиртона, И.У. Робертса, П. Спика, Р. Бирнса, Д. Дальмана, С. Коткина, Б. Дмитришина, А. Дьюби, Т. Эммонса, Б. Патэнода и др.³ В начале XXI в. Н.Н. Болховитинов опубликовал ряд работ, посвященных русским историкам-эмигрантам и их роли в становлении американской русистики, в том числе в подготовке кадров для изучения сибирской истории. История формирования источниковой базы западного сибиреведения освещается в публикациях П. Полански, И.А. Половниковой,

¹ Яцунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // ВИ. 1945, № 5-6. С. 186–205; Покшишевский В.В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю» // Изв. ВГО. 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 232–236.

² Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998; Воробьева Т.В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства: монография. Петропавловск-Камчат., 2012; Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: историко-историографические очерки. Владивосток, 2003.

³ Byrnes R.F. A History of Russian East European Studies in the United States. Selected Essays. New York, 1994; Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center. Portland, 1990. Vol. 1, № 1. P. 31–34; Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // Acta Slavica Iaponica. Vol. 15. 1997. P. 93–113; Patenaude B. M. Frank A. Golder: Collector Extraordinaire and Cultural Liaison in Revolutionary Russia // Literature of the Americas. 2017. No. 3. P. 8–29.

Е.Г. Пивоварова, В.Л. Белобородько, В.А. Самсоновой, Е.В. Петрова, И.А. Попова, Г.В. Ибнеевой. Теоретико-методологические подходы, существующие в современном западном сибиреведении, анализируют в своих публикациях М. Ауст, Х.-Х. Нольте, Э.М. Столберг, Я. Кусбер.

Во **второй тематический блок** входят работы, посвященные англо- и немецкоязычной историографии конкретных **проблем дореволюционной истории Сибири**. Отдельные публикации западных историков, изучавших **проблемы управления Сибири** позднеимперского периода, рассматриваются в историографических исследованиях С.В. Любичанковского, Л.М. Дамешека, О.В. Большаковой и др. Специальные исследования, посвященные управлению восточными окраинами Российской империи (работы А. Каппелера, Дж. Яни, М. Раева, А. Рибера, Дж. Стефана, С. Беккера, Дж. Ледонна, Р. Джераси и др.), рассмотрены в учебном пособии, опубликованном иркутскими историками в 2017 г. Отмечая традиционный интерес западных русистов к вопросам управления дореволюционной России, авторы приходят к выводу, что на рубеже 1980-х–1990-х гг. наряду с изучением институтов власти и бюрократии зарубежные историки все больше фокусировали внимание на «имперской сущности» России, многонациональном и полирегиональном характере Российского государства.⁴ Отдельные работы англо- и немецкоязычных авторов, посвященные истории социально-экономического развития дореволюционной Сибири, анализировали Г.Я. Дубовский, Л.М. Горюшкин, А.Н. Сагайдачный, С.В. Передерий, А.Г. Дорожкин.⁵ В частности, в трудах Л.М. Горюшкина излагается критический взгляд на работы западных историков – сторонников теории модернизации, писавших о достижениях сибирской экономики на рубеже XIX – XX в.

В третий блок включены историографические исследования, затрагивающие **проблемы истории Дальнего Востока позднеимперского периода**. В США один из первых историографических обзоров по данной теме содержится в монографии историка-эмигранта А. Малоземова, который выделил основные концепции, призванные объяснить причины Русско-японской войны и получившие наибольшее распространение в историографии.⁶ В конце XX – начале XXI в. англо- и немецкоязычную историографию Дальнего Востока

⁴ Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начала XX в.). Иркутск, 2017.

⁵ Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Англо-американская историография о роли иностранного капитала в сельском хозяйстве Сибири (1900–1917) // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983; Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 41–49; и др.

⁶ Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P. 318.

анализировали Я. Кусбер,⁷ С. Коткин, Ш. Коррадо, а также российские историки – В.Г. Дацышен⁸, П.С. Пименов⁹, И.В. Лукоянов¹⁰, А.К. Дятлова¹¹ и др. По мнению авторов историографических работ, в англо- и немецкоязычных публикациях по истории Дальнего Востока позднеимперского периода наиболее заметно влияние идеологических и политических факторов. К середине XX в. на Западе возобладали концепция об агрессивной империалистической политике Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более объективная оценка действий России в регионе содержится в работах, увидевших свет во второй половине XX – начале XXI вв. (А. Малоземов, Р. Квестид, Дж. Ленсен, Д. Схиммельпенинк ван дер Ойе и др.). К положительным тенденциям в развитии новейшей англо- и немецкоязычной историографии исследователи справедливо относят интенсификацию международного научного обмена, более свободный доступ в российские архивы для иностранных специалистов, стремление последних занять взвешенную позицию, в полной мере учитывающую опыт историографии других стран.

Наконец, **четвертый тематический блок** объединяет в себе работы, анализирующие англо- и немецкоязычную **историографию Русской Америки и, прежде всего, завершающий этап ее истории (1850-е – 1867 г.)**. Авторы историографических исследований (Н.Н. Болховитинов, Г.А. Агранат, Е.В. Алексеева, А.В. Гринев, А.Н. Ермолаев, С. Хэйкокс, Л. Блэк, К.-М. Наске, Г.Е. Слотник, И. Виньковецкий и др.)¹², отмечают, что при всей широте тематического и хронологического охвата работ по истории Русской Америки западные историки наибольший интерес проявляли к вопросам, связанным с продажей Аляски в 1867 г. В историографии выделяют два основных подхода к объяснению причин уступки Аляски Северо-Американским Штатам. Сторонники традиционного («консенсусного») подхода (В.Фэррар, Р.Дженсен и др.)¹³ считали

⁷ Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den “kleinen siegreichen Krieg” // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd. 42, № 2. S. 217–234.

⁸ Дацышен В.Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.: дис ... докт. ист. наук. Иркутск, 2001.

⁹ Пименов П.С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2006.

¹⁰ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.

¹¹ Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии. М., 2017.

¹² Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. М., 1957. Т. 2. С. 247–255; Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С. 87–95; Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2. С. 17–26; История Русской Америки (1732–1867): В 3-х тт.: Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). М., 1997; Hayscox S. Russian America: Studies in the English language // Pacific Historical Review. 1990. Vol. 59. № 2. P. 231–252.

¹³ См.: Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С. 87–95.

продажу Аляски следствием, прежде всего, дружественного характера взаимоотношений России и США. Им противопоставляют приверженцев «радикального» или «ревизионистского» подхода (У.Уильямс, Г.Кушнер и др.), которые рассматривали договор 1867 г. как проявление не столько дружбы, сколько соперничества двух стран и, прежде всего, экспансионистских устремлений американских политических и деловых кругов.

В целом, разрозненные обзоры, статьи и рецензии не дают целостной картины развития западного сибиреведения в конце XIX – начале XXI в. Более полное и объективное понимание историографического процесса, всесторонний анализ англо- и немецкоязычной историографии истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв. требует осуществления комплексного исследования.

Объект диссертационного исследования – историографическое направление, развивавшееся со второй половины XIX в. в исторической науке англо- и немецкоязычных стран и связанное с изучением истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Выбор объекта исследования обусловлен безусловным лидерством в западном сибиреведении историков США, Канады, Великобритании и Германии, о чем свидетельствует как общее количество написанных ими научных работ, так и разнообразие предложенных теоретико-методологических подходов и концепций.¹⁴

Предмет исследования – организационные и теоретико-методологические основания «исторического сибиреведения» в англо- и немецкоязычных странах (в первую очередь, в США, Канаде, Великобритании и Германии), а также концепции истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв., изложенные в англо- и немецкоязычной историографии.

В англо- и немецкоязычном сибиреведении преобладало представление о единстве процесса, общности целей и методов освоения русскими Северной Азии и Северной Америки, что соответствовало представлениям о Сибири, существовавшим вплоть до 1890-х гг., как всей территории от Урала до Тихого океана. Таким образом, **территориальные рамки исследования** охватывают Сибирь, российский Дальний Восток и северную часть Тихоокеанского региона, где находились территориальные владения России, включая «Русскую Америку»; при этом необходимо учитывать, что административное деление зачастую не совпадало с географическими границами указанных регионов. Так, изучавший административную систему Азиатской России позднимперского периода

¹⁴ По оценке британского историка А. Вуда, история Сибири в целом лучше изучена американцами, которых всегда интересовал ее «тихоокеанский аспект», а также канадцами, находившими значительное сходство между своей страной и Сибирью. (См.: Wood A. Introduction: the Role of Siberia in Russian History // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. London, 1991. P. 1–15). Для периода 1949–1990 гг. мы ограничились рассмотрением публикаций западногерманских историков, развивавших историографическую традицию немецкой русистики, заложенную в трудах О. Хеттша и К.Менерга.

А.В. Ремнев придерживался территориальных рамок, включавших в состав Сибири применительно к рубежу XIX–XX вв. Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области, а также г. Омск, где до 1882 г. находилась резиденция генерал-губернатора Западной Сибири. С 1868 г. Омск также являлся административным центром Акмолинской области, которая в 1882 г. вошла в состав Степного генерал-губернаторства.¹⁵ Соответственно, в предмет исследования частично входит территория Северного Казахстана.

В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, что свидетельствовало об административном обособлении Дальнего Востока и позволяет обозначить данный регион в названии темы. Следует также учитывать, что любые изменения в системе управления, общественно-политического и социально-экономического развития Дальневосточного региона рассматривались исследователями (как отечественными, так и зарубежными) в контексте международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, межгосударственных дипломатических контактов и военных конфликтов. Такой подход позволяет расширить территориальные рамки исследования и включить в них наряду с российским Дальним Востоком также территории, оказавшиеся в сфере российского влияния (в частности, «Русскую Маньчжурию»).

Хронологические рамки данного исследования охватывают вторую половину XIX – начало XXI вв., когда на смену описательной литературе пришли профессиональные научные исследования, создавались специализированные научные центры, целенаправленно расширялась источниковая база западного сибиреведения, вырабатывались новые теоретические подходы к изучению истории восточных окраин России.

Хронологические рамки периода, которому посвящены труды англо- и немецкоязычных исследователей, включают в себя вторую половину XIX – начало XX вв. **Нижняя граница** обусловлена представлением современной историографии о 1850-х гг. как важной вехе в истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америке. По справедливому замечанию А.В. Ремнева, «данный период ознаменовался новым всплеском правительственного и общественного внимания к Азиатскому региону империи», о чем свидетельствовала деятельность восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского, ревизия Западной Сибири Н.Н. Анненкова, учреждение в 1852 г. II Сибирского комитета и попытка создания комплексной государственной программы освоения Сибири.¹⁶ Важнейшими событиями данного периода стали присоединение Приамурья и Приморья, а также упрочение позиций России на Сахалине, что способствовало изменению вектора дальневосточной политики России с северо-восточного

¹⁵ Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография. Омск, 2015. С. 28–27.

¹⁶ Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография. Омск, 2015. С. 28–27.

направления на юго-восточное. Кроме того, во второй половине 1850-х гг. царским правительством фактически было принято решение о продаже российских владений в Северной Америке, реализованное в 1867 г. **Верхняя граница** – февраль 1917 г., послуживший отправной точкой для радикальных изменений во всех сферах жизни Российского государства и его окраин.

Цель исследования – реконструкция условий, этапов и закономерностей развития историко-сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычной историографии; определение итогов изучения англо- и немецкоязычными исследователями истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявление институциональных основ историко-сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычной историографии; характеристика основных форм деятельности специализированных исследовательских центров и научных школ, связанных с изучением истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки;
- 2) установление источниковой базы англо- и немецкоязычного сибиреведения, выяснение вклада отдельных исследователей в ее формирование;
- 3) характеристика основных теоретико-методологических принципов, проблем и подходов, присущих англо- и немецкоязычному сибиреведению на разных этапах его развития;
- 4) выявление англо- и немецкоязычных публикаций по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в., определение проблематики исследований;
- 5) характеристика концепций англо- и немецкоязычных историков-сибиреведов, оценка их представлений об основных этапах, факторах, тенденциях, проблемах общественно-политического, социально-экономического, социокультурного развития Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки во второй половине XIX – начале XX в.;
- 6) сопоставление результатов исследований, полученных отечественными и зарубежными историками-сибироведами;
- 7) оценка итогов и перспектив дальнейшего развития данного направления в англо- и немецкоязычной историографии.

Методология. Методологические основания диссертационного исследования определяются с учетом многозначности понятия «методологии истории», под которым понимается не только учение о методах исторического исследования, но и теоретические основы исторического познания в целом¹⁷. Соответственно, в диссертации рассматриваются современные представления об этапах эволюции исторического познания, а также об изменениях «культурного контекста» научного познания в предшествующие эпохи.

¹⁷ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М., 2008. С. 3–4.

В условиях процесса глобализации и вызванных ею социальных трансформаций в современной историографии активно обсуждается вопрос о роли и статусе исторической науки. Признавая историчность самого понятия «науки» и существование различных концепций «научности»¹⁸, историки дискутируют о возможности объективного научного познания и реконструкции исторической реальности, множественности и субъективности ее интерпретаций, указывают на неизбежность отказа от «гносеологического оптимизма» и невозможность восстановления картины прошлого во всей ее полноте.¹⁹

«Антропологический поворот», характерный для исторической науки рубежа тысячелетий и обусловивший преимущественное внимание исследователей к проблемам индивидуального и коллективного сознания, соответствует общим тенденциям развития современной науки, которая утверждает «факт имманентной и неустранимой включенности антропологической составляющей в естественнонаучную картину мира» и определяет феномен сознания как центральную философскую проблему. Анализ как «реалистических», так и «конструктивистских» теоретико-познавательных доктрин показывает, что познавательная деятельность человека является, с одной стороны, производной от языка и «культурных смыслов», с другой — порождением «непрозрачных для рациональной рефлексии базовых структур субъективности».²⁰ В целом соотношение знаний об объекте познания с ценностно-целевыми структурами и особенностями познавательной деятельности субъекта характерны для современной — «постнеклассической» — стадии в развитии науки.

Расширительная интерпретация понятия «культура» используется не только для анализа современной гносеологической ситуации, но и для характеристики познавательной деятельности человека в различные периоды истории. На современном этапе синтез методов социальной и культурной истории обусловил переосмысление предметного поля и методологии **интеллектуальной истории**, что представляет особый интерес для решения задач историографического исследования. Данное направление включает в себя разнородные элементы, испытав влияние, с одной стороны, традиционной философски ориентированной истории идей и идейных систем, с другой стороны — социально-интеллектуальной истории, сосредоточенной на социологическом и организационном аспектах познавательной деятельности; наконец — со стороны **«новой культурной истории»**, предполагающей изучение всех форм, средств, институтов интеллектуального общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с

¹⁸ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008.

¹⁹ Могильницкий Б.Г. Историческая наука и проблемы гносеологии // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 711; Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 81–109; Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // ВИ. 2000. № 9. С. 152–158.

²⁰ Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М., 2005.

«внешним» миром культуры.²¹ Как отмечает Л.П.Репина, в такой перспективе развивается проект **«новой культурно-интеллектуальной истории»**, направленный на исследование всех интеллектуальных процессов прошлого в их конкретно-историческом социокультурном контексте. Неотъемлемой составляющей новой культурно-интеллектуальной истории является история знания, история науки и так называемая дисциплинарная история, в том числе история исторической науки.

Указанные подходы могут применяться и в проблемно-тематической историографии (как истории изучения отдельных тем – например, зарубежной историографии дореволюционной истории Сибири). Соответственно, настоящее исследование опирается на теоретический инструментарий «культурно-интеллектуальной истории», а труды и концепции англо- и немецкоязычных авторов анализируются в контексте основных тенденций развития западной исторической науки, системы подготовки специалистов по истории России в западных вузах, деятельности научных центров изучения истории Сибири и Дальнего Востока, усилий отдельных историков по созданию научных школ, разработке университетских курсов, формированию источниковой базы.

При всех различиях оценок и представлений о возможностях объективного научного познания прошлого можно выявить общие для большинства исследователей принципы, установки и методы познания. Исследователи фактически выделяют три уровня анализа – общенаучный, общеисторический и специально-исторический. Общенаучный уровень предполагает объяснение и анализ историографического процесса на основе **общих диалектических законов развития, принципов научности и объективности, системности и целостности**, требует применения **методов анализа и синтеза, исторического и логического методов**.²²

На общеисторическом уровне выявляются теоретико-методологические принципы, конкретные направления и концепции, существующие в исторической науке. Основополагающим здесь является **принцип историзма**, требующий смотреть на каждое явление с точки зрения его развития, объяснения причин и условий его зарождения, определения основных стадий и характера его становления.²³ На специально-историческом уровне выполняется анализ конкретных историографических источников, применяются **специальные исследовательские методы**, т.е. способы, приемы обработки историографического материала и основные элементы методологической теории²⁴: *нарративный, историко-генетический, конкретно-проблемный, проблемно-хронологический, историко-системный, сравнительно-исторический,*

²¹ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С. 256.

²² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 142.

²³ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 528.

²⁴ Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 96.

историко-типологический, метод ретроспективного анализа, метод перспективного анализа.

Источниковую базу исследования составляют **историографические источники** (т.е. те исторические источники, которые, «определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования», и «используются наряду с историографическим фактом для установления закономерностей возникновения и развития историографии»²⁵) – работы англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные дореволюционной истории Сибири, **как научные, так и научно-популярные**, рассчитанные на массового читателя и отражающие наиболее распространенные в западной историографии концепции. К числу научных работ относятся монографии, статьи, диссертации, многотомные обобщающие труды, материалы конференций и дискуссий, обзоры и рецензии, написанные профессиональными историками и отмеченные основательностью разработки исторической проблематики, глубоким знанием и использованием достижений историографии, применением научных методов исследования, позволяющих решать конкретные исследовательские задачи, теоретически и практически обосновать полученные выводы.

Данный вид историографических источников характеризуется научным стилем изложения исторического материала, использованием научной терминологии. Их авторы стремятся сформулировать новые идеи и предложить новые подходы, способствующие получению объективного и целостного представления об историческом процессе. По определению А.М. Сахарова,²⁶ главным критерием отнесения тех или иных трудов к научным является глубина научного осмысления исторического явления и процесса, при этом необходимо учитывать, что для каждого времени существует и свой критерий научной глубины.

Среди научных работ особого внимания заслуживают **монографии** – самостоятельные исследования, которые основываются на источниках, часто впервые вводимых в оборот, и, по определению М.В. Нечкиной²⁷, содержат новые, оригинальные идеи, продвигающие науку вперед. В их число входят работы обобщающего характера – таковы, например, монографии Ф.А. Голдера «Русская экспансия на Тихий океан, 1641–1850...»²⁸, Р.Дж. Кернера «Стремление

²⁵ Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 118.

²⁶ Сахаров А.М. Методология истории. М., 1981.

²⁷ Нечкина М.В. Монография и ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. 1965. № 9. С. 77–83.

²⁸ Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914.

к морю: курс русской истории»,²⁹ Дж. Форсайта «История народов Сибири»,³⁰ Дж. Стефана «Российский Дальний Восток: история»,³¹ А. Вуда «Замерзший фронт России: история Сибири и российского Дальнего Востока, 1581–1991»,³² Д. Дальмана «Сибирь с 16 века до современности»³³ и др. Специальные монографические исследования, посвященные анализу отдельных исторических проблем, представлены, например, работами Дж. Гибсона,³⁴ М. Раева,³⁵ С. Маркса,³⁶ М. Бассина,³⁷ Л. Блэк³⁸ и др. авторов.

Источниками историографического исследования являются **научные статьи**, в которых также могут предлагаться новые, оригинальные подходы к решению различных научных проблем. К примеру, в истории западного сибиреведения большой резонанс вызвала работа Д. Тредголда «Русская экспансия в свете учения Ф.Дж. Тернера об «американском фронтире»»,³⁹ большое значение для развития англоязычного сибиреведения имели, например, исследования А. Вуда, посвященные истории сибирской ссылки; серия статей М. Бассина по истории освоения Дальнего Востока⁴⁰ и др.

Не меньший интерес для историографа представляют **рецензии и материалы научных дискуссий**, которые, по замечанию И.Я. Биска,⁴¹ позволяют установить отношение научной общественности к вышедшему труду, борьбу мнений вокруг последнего, а также могут содержать варианты решения выдвинутых проблем. Иногда в рецензиях дается квалифицированная критика методики и техники анализа источников, которые применялись тем или иным исследователем.

Другую группу историографических источников составили **источниковедческие, методологические и историографические**

²⁹ Kerner R.J. *The Urge to the Sea*. Berkeley, 1942.

³⁰ Forsyth J. *The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge, 1992.

³¹ Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994.

³² Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. London; New York, 2011.

³³ Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009.

³⁴ Gibson J.R. *Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856*. Madison; Wisconsin, 1969.

³⁵ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956.

³⁶ Marks S. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. New York, 1991.

³⁷ Znamenski A.A. *Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport; London, 1999.

³⁸ Black L.S. *Russians in Alaska, 1732–1867*. Fairbanks, 2004.

³⁹ Treadgold D. *Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History*. 1952. Vol. 26, № 4. P. 147–152.

⁴⁰ Bassin M. *The Russian Geographical Society, the «Amur Epoch» and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // Annals of the Association of American Geographers*. 1983. Vol. 73, № 2. P. 240–256; Bassin M. *Expansion and colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14, № 1. P. 3–21; Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P. 763–794.

⁴¹ Биск И.Я. *Методология истории: Курс лекций*. Иваново, 2007.

исследования, позволяющие, в частности, получить представление об организационных основаниях западного сибиреведения: деятельности исследовательских центров и научных школ, связанных с изучением сибирской истории (напр., статьи Б. Дмитришина, С. Хэйкокса, С. Коткина; историографические обзоры в монографиях Р.Дж. Кернера; Дж. Ланцева и Р. Пирса, Дж. Харрисона, Л. Блэк и др.) Данный вид источников позволяет увидеть историю становления англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в. глазами самих зарубежных историков, учесть их мнение в оценке достижений и перспектив развития рассматриваемого историографического направления. Решение задач историографического исследования потребовало привлечения **и энциклопедических и справочно-библиографических изданий**. Сведения об англоязычной научной литературе по истории Сибири содержатся, в частности, в библиографических трудах Р.Дж. Кернера,⁴² Д.М. Шапиро,⁴³ Д.Коллинза.⁴⁴

Наряду с историографическими источниками (научными трудами), в диссертации использовались также исторические источники других видов, прежде всего, опубликованные за рубежом **документальные и нарративные источники**, изучение которых позволяет полнее охарактеризовать состояние источниковой базы англо- и немецкоязычного сибиреведения.⁴⁵

Большой интерес для историографов представляют источники личного происхождения, в частности, переписка и дневники, выполняющие функции межличностной коммуникации и автокоммуникации.⁴⁶ Отмечая ценность данного вида источников, нельзя не признать, что несмотря на усилия отдельных исследователей (напр., Р. Бирнса, Т. Эммонса, С. Коткина), направленные на выявление, анализ и публикацию архивных источников по истории западного сибиреведения (материалов из личных фондов историков, документации научных и общественных организаций и др.),⁴⁷ полноценное решение указанных задач еще ждет своих исследователей. К источникам историографического исследования можно также отнести современные **Интернет-ресурсы**, содержащие сведения об институциональном развитии западного сибиреведения: таковы сайты зарубежных архивов, вузов и научных учреждений.

Понятийный аппарат. В диссертационном исследовании используется понятие **«историографическое направление»**, которым обозначается

⁴² Kerner R.J. Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. New York, 1931; Kerner R.J. Northeastern Asia. A Selected Bibliography. 2 vols. Berkeley, 1939.

⁴³ Shapiro D.M. A Select Bibliography of Works in English on Russian History: 1801–1917. Oxford, 1962.

⁴⁴ Collins D.N. Siberia and the Soviet Far East (World Bibliographical Series). Vol. 127. Santa Barbara, CA, 1991.

⁴⁵ Подробнее об источниковой базе западного сибиреведения см. в соответствующем разделе первой главы.

⁴⁶ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.

⁴⁷ См., напр.: War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992

совокупность авторов исторических трудов, объединенных проблематикой исследований, общностью методологических принципов и научных взглядов. Англо- и немецкоязычные историки-сибиреведы могут быть охарактеризованы как представители особого «историографического направления» не только благодаря взаимосвязанности тематики и проблематики их работ и сходству теоретико-методологических подходов. Важным критерием также является устойчивость их коммуникативных связей и разнообразие форм профессиональной кооперации, что обеспечивалось, в первую очередь, деятельностью научных центров, выполнявших руководящую и координирующую роль в организации сибиреведческих исследований.

В диссертации также используется термин «**научная школа**», под которой понимается более узкая группа ученых. Представителей «школы», которые могут быть последователями одного ученого или представителями какого-либо научного центра, объединяют не только общие методические приемы, но и ценности, представления о целях и задачах научной деятельности. Термин «школа» не случаен, поскольку деятельность данного научного сообщества, как правило, тесно связана с образовательным процессом, подготовкой научных кадров. Вместе с тем, несмотря на признание безусловного авторитета основателя «школы», во взаимоотношениях ее представителей преобладают неформальные горизонтальные связи. В зарубежном руссиеведении и сибиреведении черты «научных школ» присущи коллективам учеников и последователей таких известных ученых как А.К. Кулидж, Р.Дж. Кернер, М.М. Карпович, О. Хетцш, Т. Армстронг Э. Винтер и др.

Научная новизна диссертации. Впервые в указанных хронологических и территориальных рамках осуществлен комплексный анализ развития англо- и немецкоязычной историографии Сибири во второй половине XIX – начале XXI вв.; изучена история создания и деятельности основных научных центров западного сибиреведения, формирования его источниковой базы; выявлены и проанализированы основные теоретико-методологические подходы, концепции и проблематика англо- и немецкоязычных исследований по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в.; научные результаты, полученные зарубежными историками, сопоставленные с достижениями отечественных исследователей темы. Выводы диссертационного исследования получены на основе анализа широкого круга историографических источников, значительная часть которых впервые послужила предметом специального изучения в отечественной историографии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Во второй половине XIX – начале XXI в. в исторической науке англо- и немецкоязычных стран (в первую очередь, в США, Великобритании, Канаде и Германии) развивалось особое направление, связанное с изучением истории присоединения и освоения русскими Северной Азии и Северной Америки. Данное направление прошло в своем развитии несколько закономерных этапов, обусловленных общими тенденциями развития западной историографии.

Большую роль в развитии историко-сибиреведческих исследований играли специализированные научные центры, способствовавшие поступательному развитию даже в периоды относительного спада общественного интереса к прошлому и настоящему Сибири и российского Дальнего Востока. На всех этапах развития данного историографического направления разработке сибиреведческой проблематики на Западе активно способствовали историки, связанные своим происхождением с Россией (Ф. Голдер, К. Менерт, М. Раев, А. Лобанов-Ростовский и др.) и содействовавшие взаимовлиянию и взаимному обогащению различных историографических традиций и исследовательских подходов.

2. Для исследователей-сибиреведов из указанных стран, не имевших свободного доступа к российским и советским архивам, известная ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась привлечением опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки. Значительное внимание зарубежные специалисты уделяли формированию архивных и книжных собраний «россики» и «сибирики» в собственных странах (наиболее крупные собрания материалов по истории России и Сибири находятся в США). В большинстве случаев появление указанных коллекций также являлось итогом деятельности исследователей – выходцев их России: Ф.А. Голдера, М.З. Винокурова, Б.А. Бахметьева, Дж. Ленсена, А.Я. Гутмана-Гана, В. Ладно-Моцарского, А.С. Лукашкина и др.

3. В англо- и немецкоязычной историографии использовался аналитический инструментарий различных теоретико-методологических подходов (напр., «колонизационной», «модернизационной», «имперской» парадигм, концепции «русской восточной экспансии», теории «фронтира» и др.). Смена этих парадигм и концепций отражала общие тенденции развития западной историографии. Работам первой половины XX в. присущ объективизм, поиск всеобщих законов исторического развития в сочетании с использованием «универсальных теорий» (напр., колонизации, модернизации). В последние десятилетия в рамках рассматриваемого историографического направления, испытавшего на себе влияние «новой социальной истории», «культурного» и «лингвистического поворотов», активно развивались междисциплинарные исследования. Вместе с тем, на всех этапах развития для западного сибиреведения был характерен компаративистский подход, позволяющий рассматривать историю восточных окраин России в общеевропейском, евразийском и глобальном контексте.

4. В англо- и немецкоязычной историографии неизменно подчеркивается роль государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией огромных пространств Северной Азии. Сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, авторы критически оценивали итоги «цивилизаторской миссии» России в Северной Азии, подчеркивая, в частности, негативные аспекты аборигенной и пенитенциарной политики. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала в целом успешной интеграции региона в общеимперское пространство.

Политические и социально-экономические факторы, обусловившие специфику системы управления Сибирью, изучались прежде всего англо-американскими историками (М. Раев, Т. Армстронг и др.), социокультурные – немецкими (К. Вайсс, С. Франк и др.).

5. В современном западном сибиреведении, испытывавшем влияние «культурного» поворота в историографии, значительное внимание уделяется проблемам самосознания индивидов и социальных групп, их самовосприятия, изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры как «пространство»). В отличие от отечественных исследователей, западные историки-сибиреведы редко используют обобщающий термин «сибирская идентичность», изучая «идентичность» различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитие «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (В. Фауст, С. Штух и др.).

6. В представлении многих зарубежных авторов, Сибирская реформа М.М. Сперанского (1822 г.) положила начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Наибольшее внимание англо- и немецкоязычные исследователи уделяли изучению процессов взаимной адаптации, аккультурации и ассимиляции пришлого и коренного населения Сибири и Дальнего Востока; проблем идентификации и самоидентификации аборигенных этносов, их участия в общественно-политической жизни региона. В работах западных историков-сибиреведов преобладает вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири, но если раньше исследователи склонны были видеть главную причину бедственного положения коренного населения в разнонаправленности действий центральных и местных властей (М. Раев, Т. Армстронг), то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает, прежде всего, правительство. В ряде работ (А. Знаменский, Дж. Форсайт, Э.-М. Столберг) подчеркивается активная роль самих аборигенных этносов во взаимодействии с русскими.

7. В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, называются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона. Признавая неудачи в реализации отдельных мероприятий правительства и специфику ситуации в Южной и Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, современные исследователи в целом склонны писать о благотворном влиянии переселений на социально-экономическое развитие Азиатской России. В исследованиях по истории индустриального развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. основное внимание уделяется вопросам, связанным со строительством Транссибирской магистрали и тому всеобъемлющему воздействию, которое она оказала на социально-экономические и социокультурные процессы в регионе, а также выяснению ее военно-стратегического и геополитического значения.

Наряду с этим западными исследователями крайне слабо освещены проблемы урбанизации региона, развития торговли, промыслов и промышленности, финансово-кредитной сферы в пореформенный период.

8. Со времени публикации первых работ, посвященных присоединению к России Приамурья и Приморья, в центре внимания англо- и немецкоязычных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты «русской восточной экспансии», но и географические, демографические, социально-экономические факторы, определившие ход и итоги освоения Дальнего Востока. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте, экспансионистских устремлениях России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе «сфер влияния» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

9. В англоязычной историографии, посвященной заключительному этапу истории Русской Америки, определен широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических; политических, экономических. Большое значение придавалось военно-стратегическим факторам, в частности, анализировалась сложная международная обстановка в регионе, отмечалась незащищенность Русской Америки перед лицом возможной военной агрессии. В целом оценки западных исследователей, прежде всего, зависели от общего понимания ими характера российско-американских отношений в период, предшествовавший продаже Аляски, от того, как интерпретировались эти отношения – в терминах сотрудничества или соперничества.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации в широких территориальных и хронологических рамках на основе изучения обширного массива историографических источников осуществлен комплексный анализ истории изучения англо- и немецкоязычными исследователями истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в., при этом характеристика развития данного историографического направления соотносится с этапами и особенностями длительного процесса эволюции исторического познания, испытавшего влияние не только специфических методов гуманитарных наук, но и естественно-научной методологии; менявшихся представлений о соотношении и роли структурных элементов познавательного процесса.

Процесс эволюции исторического познания характеризуется наличием определенных циклов и закономерностей: чередованием периодов «гносеологического оптимизма» с кризисами, обусловленными утратой веры в познаваемость прошлого; переосмыслением значения субъективных и объективных факторов в истории, сменой базовых типов объяснения истории – через мотивы человеческой деятельности («антропологический подход»), либо через природные факторы или социальные структуры, обуславливающие эту деятельность («социологический подход»).

Показано, что в зависимости от представлений о взаимосвязи объекта познания с ценностно-целевыми структурами и понимания особенностей познавательной деятельности субъекта в фокусе внимания историков-сибиреведов последовательно оказывались различные элементы познавательного процесса: субъект познания (субъективистский подход); объект познания (объективистский подход); субъективные и объективные факторы исторического развития (соответственно – «антропологический» и «социологический» подходы); связи (или структуры), объединяющие эти элементы (структуралистский подход). Установлено, что кризисы исторического познания, обусловленные «разрывом» взаимосвязи субъекта и объекта, разрешались, прежде всего, через переосмысление категории «субъекта» (как «субъекта исторического познания», так и «субъекта истории»), что обусловлено спецификой самого предмета исторической науки.

Вместе с тем, закономерности исторического познания, обусловившие преобладание на том или ином этапе различных теоретических подходов, сопоставляются с общей логикой исторического процесса, а развитие исторической науки предстает как часть исторической реальности. Исследователи рассматриваются как субъекты истории, в процессе своей деятельности преобразующие окружающий мир и одновременно испытывающие на себе воздействие разнообразных внешних (социальных, экономических, политических, культурных) факторов, при этом учитывается имманентная включенность антропологической составляющей в научную картину мира, когда любые результаты «отражения» объективного мира в сознании человека рассматриваются как проекция вовне его собственных «образов мира».

В рамках такого взгляда на когнитивный процесс и на проблему взаимосвязи между «объективным научным знанием» и «субъективными культурными смыслами» термин «культура» получает крайне широкое толкование и включает в себя все формы познания, в том числе научную, что дает основания для использования в диссертационном исследовании теоретического инструментария культурно-интеллектуальной истории, нацеленной на изучение всех интеллектуальных процессов прошлого в их конкретно-исторического социокультурном контексте.

Изучение «культурно-интеллектуального» контекста способствует более полной и всесторонней характеристике историографического процесса, позволяет сопоставить развитие национальных историографий в различные исторические эпохи, определить влияние конкретных историографических традиций; объяснить изменения проблематики научных исследований, смену теоретических и методологических подходов, выявить степень и характера взаимовлияния историков, принадлежавших к различным научным школам и направлениям.

Соответственно, в диссертации развитие англо- и немецкоязычного сибиреведения исследовано в контексте истории создания и функционирования ведущих научных центров, деятельности наиболее выдающихся историков, связанной с созданием научных школ, университетских курсов, формированием

и расширением источниковой базы, разработкой оригинальных концепций истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, зачастую объединяющих в себе элементы различных теорий (в частности, «колонизационной», «модернизационной», «имперской» парадигм, теории «фронтира»). В целом сопоставление результатов развития историографии различных стран также способствует решению общих теоретических и методологических проблем исторической науки, выявлению закономерностей и оценке перспектив ее развития.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов для дальнейшей научной разработки проблем истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки XIX – начала XX в., сопоставления результатов, полученных отечественными и зарубежными исследователями темы, а также для подготовки лекционных курсов по истории России, Северной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом диссертационное исследование не только обобщает историографический опыт, накопленный отечественными и зарубежными историками, но и позволяет определить перспективы дальнейшего развития историко-сибиреведческих исследований.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением широкого круга историографических источников, их изучением с опорой на современные подходы и методы историографических исследований; сопоставлением полученных результатов с выводами, сделанными другими исследователями; комплексному подходу к рассмотрению заявленной темы.

Апробация работы. Результаты, полученные в ходе многолетней работы над диссертационным исследованием, отражены в 50 научных публикациях, среди которых: авторская монография объемом 15,5 п.л.; 23 статьи из списка ВАК (общий объем – 20 п.л.), в том числе 4 статьи в журналах, входящих в базы данных Scopus и WoS (общий объем – 4,6 п.л.); 5 статей в прочих научных журналах (общий объем – 5 п.л.); 10 докладов в сборниках материалов международных, всероссийских и региональной конференций, 10 публикаций в сборниках научных статей. Высокая степень владения историографическим материалом позволила автору в качестве ответственного секретаря редколлегии координировать работу по подготовке 3-го тома академического издания «История Сибири» («Сибирь в Новое время, 1581 – февраль 1917 г.»), подготовить раздел тома, посвященный англо- и немецкоязычной историографии Сибири. Материалы диссертационного исследования использовались для публичных лекций, с которыми автор выступал в Новосибирске.

Автор выступил с докладами по теме диссертации на 16 международных, 10 всероссийских и 1 региональной конференции.

Структура работы обусловлена задачами исследования и включает введение, пять глав, заключение, список использованных источников и литературы. Общий объем рукописи – 602 страницы (41 п.л.)

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная значимость темы исследования, определяется степень ее изученности; формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, обосновываются его хронологические и территориальные рамки; объясняются лежащие в его основе методологические принципы; характеризуется источниковая база; приводится понятийный аппарат; обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, достоверность полученных результатов.

Первая глава «Изучение истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки англо- и немецкоязычными исследователями в конце XIX – начале XXI в.» состоит из трех параграфов. В ней анализируются организационные и теоретико-методологические основания, а также источниковая база англо- и немецкоязычного сибиреведения.

В параграфе 1.1. «Организация сибиреведческих исследований в зарубежных научных центрах» рассматривается история создания и деятельность основных центров историко-сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычных странах. Направление в англо- и немецкоязычной историографии, связанное с изучением истории присоединения и освоения русскими колоссальных территорий в Северной Азии и Северной Америке, в своем развитии прошло несколько этапов, обусловленных общими тенденциями западной историографии. По мере профессионализации историко-сибиреведческих исследований в первой половине XX в. в Великобритании, Германии, США появляются научные центры русистоведения и сибиреведения (Школа славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне, Немецкое общество по изучению Восточной Европы в Берлине, Семинар по Северо-Восточной Азии в Беркли и др.). В середине XX в. активной разработкой на Западе проблем российской истории способствовала деятельность историков-эмигрантов (М. Карпович, Г. Вернадский, Дж. Ланцев, А. Лобанов-Ростовский, А. Мазур, К. Менерт, М. Раев и др.), в чем можно усмотреть процесс взаимовлияния и взаимного обогащения различных историографических и исследовательских подходов и традиций. Международное сотрудничество историков активизировалось на рубеже 1950-х–1960-х гг. и особенно с конца 1980-х гг., чему способствовали новые организационные структуры: Семинар сибирских исследований британских университетов, действовавший в Великобритании и США; Фонд Франке в Германии (Галле) и др. На рубеже XX – XXI вв. изучением сибирской и дальневосточной проблематики занимались сотрудники Гавайского университета, Университета Аляски, Вашингтонского Университета (Сиэтл), Арктического института Северной Америки (Университет Калгари), Института полярных исследований им. Р.Ф. Скотта в Кембридже, Института по социальной антропологии Общества Макса Планка (Галле) и др. В целом специализированные исследовательские структуры позволили объединить усилия самого широкого круга специалистов для решения масштабных задач (например,

создания архивных и книжных коллекций, перевода и публикации источников, проведения международных научных форумов и пр.), способствовали сохранению и передаче накопленного научного опыта новым поколениям исследователей, сделали возможным поступательное развитие рассматриваемого историографического направления.

В параграфе 1.2. «Источниковая база англо- и немецкоязычного сибиреведения» рассматривается история формирования источниковой базы рассматриваемого историографического направления, оценивается роль в этом процессе отдельных историков. Фундаментальные научные исследования по истории Сибири требовали привлечения широкого круга источников, однако для зарубежных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем СССР, была, как правило, сопряжена с множеством трудностей. В таких условиях особое значение приобретали усилия западных исследователей, направленные на формирование архивных и книжных собраний «россики» в их собственных странах. Наиболее крупные коллекции материалов по дореволюционной истории России и Сибири находятся в США: Библиотеке Конгресса США, Гарвардском, Йельском, Колумбийском, Гавайском университетах, Калифорнийском университете в Беркли, Университете штата Аляска в Фэрбэнксе, Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Национальном архиве США (Вашингтон) и др. В большинстве случаев такие коллекции появились благодаря усилиям исследователей – выходцев из России: Ф.А.Голдера, М.З. Винокурова, Б.А. Бахметьева, Дж. Ленсена, А.Я. Гутмана-Гана, А.С. Лукашкина и др. Ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась использованием опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки, обращением к работам наиболее значительных представителей русской и советской историографии. Современные англо- и немецкоязычные исследователи-сибиреведы активнее привлекают документальные материалы, хранящиеся в российских архивах, но в целом перед ними по-прежнему стоит задача расширения источниковой базы и более основательного изучения достижений российской историографии.

В параграфе 1.3. «Основные теоретико-методологические подходы англо- и немецкоязычных историков-сибиреведов» характеризуются теоретико-методологический инструментарий, принципы, проблемы и подходы, присущие англо- и немецкоязычному сибиреведению на разных этапах его развития. В рассматриваемом историографическом направлении использовались различные теоретико-методологические подходы, смена которых отражала общие тенденции развития западной историографии. Во второй половине XIX в. в соответствии с ранкеанской парадигмой были написаны первые англо- и немецкоязычные исследования по истории территориальной экспансии России на Дальнем Востоке

(Э.Г. Равенштейн,⁴⁸ А. Краузе,⁴⁹ К. фон Цепелин⁵⁰ и др.) и Северной Америке (Г. Бэнкрофт),⁵¹ В начале XX в. в историографии звучали призывы изучать исторический процесс во всем его многообразии, с учетом всех возможных аспектов. Указанные тенденции в развитии западной историографии повлияли на содержание концепции «русской восточной экспансии», оформившейся в первой половине XIX в. в работах калифорнийских историков, основателей американского сибиреведения – Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера, а также их последователей. Переосмысление предмета исторического сибиреведения, соотношения общих закономерностей исторического процесса и специфики конкретного объекта исследований сопровождалось поиском и применением новых теоретических подходов — теории «фронта» (Д. Тредголд,⁵² Э.-М. Столберг⁵³ и др.), «модернизации» (В. Конолли)⁵⁴, «новой имперской истории» (А. Каппелер⁵⁵ и др.). В конце XX в. рассматриваемое историографическое направление испытало на себе влияние «новой культурной и социальной истории». В условиях «антропологического поворота», характерного для исторической науки второй половины XX – начала XXI вв., историко-сибиреведческие исследования последних десятилетий, как правило, носят междисциплинарный характер, объединяя методы культурной антропологии, имагологии и других научных направлений.

Вторая глава «Власть и общество в Сибири (2-я половина XIX – начало XX в.): проблемы управления, общественно-политического и социокультурного развития региона на освещении англо- и немецкоязычной историографии» состоит из трех параграфов.

В параграфе 2.1. «Проблемы управления и общественно-политического развития» рассматриваются англо- и немецкоязычные исследования, посвященные анализу правительственной политики, проблем управления, общественно-политического развития Сибири в XIX – начале XX в. Несмотря на повышенный интерес западных историков-русистов к роли государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией огромных пространств Северной Азии, специальные работы по данной теме были немногочисленны, что во многом объяснялось сравнительно медленным

⁴⁸ Ravenstein E. Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. London, 1861.

⁴⁹ Krausse A. Russia in Asia. A Record and a Study. 1558–1899. London, 1900.

⁵⁰ Zepelin C., von. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege // Russland in Asien Bd. VIII, IX, XI. Berlin, 1907–1911.

⁵¹ Bancroft H. H. History of Alaska. 1730–1885. Darien, 1970; Golder F.A. Russian expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland, 1914.

⁵² Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, 1957.

⁵³ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009.

⁵⁴ Conolly V. Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements. New York, 1975.

⁵⁵ Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung-Geschichte-Zerfall. Munich, 1992.

институциональным оформлением англо- и немецкоязычного руссиеведения, а также преимущественным вниманием зарубежных авторов к событиям в центральных регионах Российской империи, а не на ее окраинах. Вместе с тем, западным историкам удалось осветить достаточно широкий круг проблем, связанных с управлением дореволюционной Сибирью. Особое внимание уделялось анализу причин, содержания и итогов Сибирской реформы М.М. Сперанского, которая, по мнению зарубежных исследователей (М. Раева и др.), во многом определила развитие региона до конца имперского периода. Анализ правительственной политики в отношении «кинородцев» ставил западных исследователей перед необходимостью объяснения сущности всего процесса сибирской колонизации. Как правило, историки, подчеркивавшие первостепенное значение политических и торговых интересов России на востоке, писали о преобладании в аборигенной политике методов принуждения (Ф. Голдер, Дж. Форсайт, Д. Коллинз, Ю. Слезкин, А. Каппелер и др.). Те, кто указывал на преимущественно мирное освоение Сибири, писали о взаимовыгодном сосуществовании русского и коренного населения (Т. Армстронг, Дж. Гибсон и др.). В новейших работах по истории Сибири контакты между русскими и аборигенным населением по-прежнему часто описываются в терминах «завоевания», «порабощения», «эксплуатации». Наиболее взвешенную позицию занял А. Знаменский, который справедливо подчеркивал активную роль самих аборигенов во взаимодействии с русскими.⁵⁶ Одним из важнейших инструментов управления дореволюционной Сибирью современные западные историки (Э. Гентес, Э. Шредер, К. Тертон, С. Бэдкок, Д. Бир и др.) называют пенитенциарную политику, в изучении которой применяют теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений как «историческая пенология», «история женщин», «история семьи», «гендерная история». Сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, западные авторы критически оценивают итоги «цивилизаторской миссии» России в Северной Азии. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала в целом успешной интеграции региона в общеимперское пространство. В работах, посвященных изучению общественно-политических процессов в Азиатской России, анализируется идеология и деятельность представителей сибирского областничества (С. Уотрус,⁵⁷ Д. фон Мореншильдт,⁵⁸ В. Фауст, Д.Рэйнбоу⁵⁹ и др.); история протестного

⁵⁶ Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London, 1999.

⁵⁷ Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970.

⁵⁸ Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review Vol. 37, No. 4 (Oct., 1978). P. 387–404.

⁵⁹ Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013.

движения (М. Меланкон,⁶⁰ Г. Райхман,⁶¹ Д. Вулф⁶²); общественно-политическое развитие региона в годы Первой русской революции (Э.-М. Столберг, А. Вуд, Д. Дальман) и межреволюционный период (Р. Сноу⁶³ и др.). Признавая приоритет в изучении указанной темы за советскими и российскими историками, англо- и германоязычные исследователи стремились уточнить ряд положений и выводов советской историографии, в частности — более объективно осветить роль представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в.

В параграфе 2.2. «Проблемы социокультурного развития» анализируются исследования англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные социокультурным процессам в дореволюционной Сибири. Вопросы социокультурного развития региона анализируются многими современными исследователями в контексте проблемы «интеграции» или «инкорпорации» Сибири в общеимперское пространство, в том числе рассматривается «ментальное», «символическое» измерение процесса (В. Фауст, К. Вайсс, У. Сандерленд, С. Франк). Западные историки-сибиреведы изучают проблемы идентификации и самоидентификации различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитие «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (В. Фауст, С. Штух⁶⁴ и др.). В числе основных факторов, влиявших на восприятие Сибири как историко-географического пространства, англо- и немецкоязычные историки называют географические и культурные особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике. По сути, проблеме «интеграции» посвящены исследования по истории научного изучения Сибири и Дальнего Востока (Г. Робель, Э. Доннерт, У. Грабош, Д. Дальман, В. Хинцше и др.)

Третья глава «Социально-экономическое развитие Сибири во второй половине XIX – начале XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии» состоит из двух параграфов. В ней анализируются работы англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные ключевым проблемам социально-экономического развития Сибири позднеимперского периода: в первую очередь, проблемам развития сельского хозяйства, промышленности и транспортной инфраструктуры.

⁶⁰ Melancon M. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. (Eugenia and Hugh M. Stewart 26 Series on Eastern Europe.) College Station, 2006. 238.

⁶¹ Reichman H. The 1905 Revolution on the Siberian Railroad // The Russian Review. Vol. 47, 1988. P. 25–48.

⁶² Wolff D. Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905–1907 // Russian History. Vol. 23. No. 1/4. Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union: (SPRING-SUMMER-FALL-WINTER), 1996. P. 95–114.

⁶³ Snow R.E. The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Rutherford, 1977.

⁶⁴ Stuch S. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003.

В параграфе 3.1. «Проблемы аграрного развития Сибири» рассматриваются труды англо- и немецкоязычных историков, изучавших особенности аграрного развития Сибири в дореволюционный период, прежде всего проблематику, связанную с историей крестьянских переселений и эволюцией крестьянской общины. В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, называются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона. В первой половине XX в. проблемы «крестьянской колонизации» Сибири освещались в трудах исследователей – выходцев из России (В. Клумберга, Х.-Ю. Серафима, А. Байкалова, А. Лобанова-Ростовского). В 1950–1970-х гг. к изучению темы обратились британские и американские исследователи, рассматривавшие ее преимущественно с позиций теории «модернизации» и «фронта» (Д. Казмер⁶⁵). В американской историографии наиболее известной работой по истории сельскохозяйственного освоения Сибири остается монография Д. Тредголда, соединившего в своих теоретических построениях концепции «колонизации» и «модернизации» с элементами теории «фронта».

В конце XX в. специальные исследования, посвященные особенностям аграрного развития Сибири в дореволюционный период, посвятили Дж. Чэннон, Э. Доннели,⁶⁶ С. Беккер.⁶⁷ Работа Дж. Чэннона – редкий для западной историографии пример исследования, в котором основное внимание уделяется не успехам «модернизации» и капиталистического развития сибирской деревни в XIX – начале XX в., а институтам традиционного общества и «феодално-крепостническим пережиткам».⁶⁸ В русле концепции «колонизации» следовали С. Маркс, Н.Б. Брейфогл, А. Шрэдер, У. Сандерленд.⁶⁹ Вклад в аграрное освоение Сибири отдельных этнических групп переселенцев исследуется в работах И. Стебелски, А. Каппелера.⁷⁰ В отличие от исследователей начала XX в., дававших преимущественно критические оценки хода и итогов крестьянских переселений, современные авторы в целом склонны писать о благотворном влиянии указанного процесса на социально-экономическое развитие Азиатской России. В то же время ряд историков (С. Маркс, А. Вуд и др.) призывают не преувеличивать успехи «модернизации» Сибири или специфику сибирского «фронта».

⁶⁵ Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // *American Economic Review*. 1977. Vol. 67. No. 1. P. 429–432.

⁶⁶ Donnelly A. *The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York, 1988. P. 189–207.

⁶⁷ Becker S. *Russia's Central Asian Empire, 1885–1917. Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York, 1988.

⁶⁸ Channon J. *Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. London, 1990. P. 66–85.

⁶⁹ *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007.

⁷⁰ Kappeler A. *Chochly and Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1997. Bd. 45. H. 1. P. 48–63.

В параграфе 3.2. «Проблемы развития промышленности и транспортной инфраструктуры» анализируются англо- и немецкоязычные исследования по истории индустриального развития Сибири позднеимперского периода. В работах Д. Тредголда, В. Моута, Х. Таппера, Б. Самнера, А. Геденштрёма, Р.Норта, Х. Хукхэм и др.⁷¹ основное внимание уделяется тому всеобъемлющему воздействию, которое оказало сооружение Транссибирской магистрали на развитие региона, а также ее военно-стратегическому и геополитическому значению. Называя Транссиб важнейшим фактором модернизационного развития, большинство авторов расценивали индустриальное развитие Сибири как довольно успешное. Более сдержанные и критические оценки прозвучали в работах историков конца XX – начала XXI в. (С. Маркс, А. Вуд и др.), которые полагают, что доминирующая и определяющая роль самодержавного государства в реализации масштабных индустриальных проектов служила, скорее, сдерживающим фактором, препятствовавшим полноценной и всеобъемлющей модернизации экономики.

Четвертая глава «История Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии» состоит из трех параграфов. В ней рассматриваются работы англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные анализу основных проблем истории российского Дальнего Востока позднеимперского периода, в их числе: присоединение Приамурья и Приморья, дальневосточная политика России на рубеже XIX–XX вв.; процессы общественно-политического, социально-экономического и социокультурного развития региона.

В параграфе 4.1. «Присоединение Приамурья и Приморья» анализируются работы англо- и немецкоязычных авторов, изучавших процесс территориального расширения России в Приамурье и Приморье в середине XIX в. Во второй половине XIX - начале XX вв. западные авторы рассматривали тему «дальневосточной экспансии» России в контексте международного (прежде всего, российско-британского) соперничества (Э. Равенштейн, А. Краузе, К. фон Цепелин). В XX в. заметный вклад в изучение и обобщение русскоязычных материалов внесли историки-эмигранты (А.А. Лобанов-Ростовский, В.А. Яхонтов, И.И. Гапанович и др.). Выясняя причины продвижения русских на Амур в середине 1850-х гг., историки указывали на постоянное стремление России получить выход к незамерзающему морю, в данном случае – найти удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь с Тихоокеанским побережьем (А. Краузе, Т. Лин). Многие авторы писали о преобладании причин политического характера, связанных с процессами «имперской экспансии»

⁷¹ Mote V. *Siberia: Worlds Apart*. Boulder, 1998; North, R. *Transport in Western Siberia. Tsarist and Soviet Development*. Vancouver, 1979; Hookham H. *The builders of the Trans-Siberian Railway // History Today*. 1966. Vol. 16. No. 8. P. 528–537; и др.

(Э.Г. Равенштейн, Д. Даллин, С. Пэйн⁷² и др.). О необходимости расширения торговых связей и в целом - о причинах экономического характера, связанных с задачами колонизации региона, писали Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер, Т. Лин,⁷³ М. Мэнколл,⁷⁴ Г. Сэлisbury, Дж. Гибсон. Военно-стратегическими соображениями объясняли присоединение Приамурья А. Краузе, Дж. Стефан,⁷⁵ Дж. Грейнджер,⁷⁶ А. Рат.⁷⁷ В англо- и немецкоязычной историографии высоко оценивается роль различных участников «амурской эпопеи», но для абсолютного большинства западных исследователей очевидно, что наиболее выдающуюся роль, при всех его противоречивых личных качествах, играл генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Оценивая последствия закрепления за Россией Приамурья и Приморья, англо- и немецкоязычные авторы полагают, что столь обширные территориальные приобретения окончательно превратили Россию в тихоокеанскую державу; обусловили смену вектора ее дальневосточной политики с северо-восточного направления на юго-восточное; способствовали дальнейшему обострению международных противоречий, которое в итоге привело к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Параграф 4.2. «Дальневосточная политика России на рубеже XIX – XX в.» посвящен анализу англо- и немецкоязычных исследований, посвященных политике Российской империи на Дальнем Востоке в преддверии Русско-японской войны 1904–1905 гг.; общественно-политическим и социокультурным процессам в регионе на рубеже XIX – XX в. Активные действия России в Дальневосточном регионе на рубеже XIX – XX в. в ряде работ (К. фон Цепелин, А. Малоземов, С. Маркс, Р. Квестид, Дж. Стефан) объяснялись причинами военно-стратегического характера — прежде всего, стремлением России защитить свои рубежи от возможного нападения со стороны Японии, Китая или Британской империи. Политико-идеологические факторы (связанные с представлениями об исторической цивилизаторской миссии России в Азии, необходимости противостояния «желтой угрозе») рассматривали Д. Схimmelпенинк ван дер Ойе,⁷⁸ Дж. Маккензи, А. Малоземов. Об экономических причинах российской экспансии в регионе писали авторы, анализировавшие процессы «модернизации» и «политику мирного

⁷² Paine, S. C. M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. New York, 1996.

⁷³ Lin T.C. *The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860 // Pacific Historical Review*. 1934. Vol. 3, № 1. P. 1–27.

⁷⁴ Mancall M. *The Kyakhta Trade // The Economic Development of China and Japan. Studies in Economic History and Political Economy*. London, 1964. P. 19–49.

⁷⁵ Stephan J.J. *The Crimean War in the Far East // Modern Asian Studies*. 1969. Vol. 3. No. 3. P. 257–277; Stephan J. *The Russian Far East. A History*. Stanford, 1994.

⁷⁶ Grainger J.D. *The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856*. Woodbridge, 2008.

⁷⁷ Rath A.C. *The Crimean war in imperial context, 1854–1856*. New York: Palgrave MacMillan, 2015.

⁷⁸ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001.

проникновения» С.Ю. Витте (Б. Самнер, Р. Квестид Д. Гайер, Дж. Ленсен⁷⁹ и др.). Анализируя общественно-политические процессы, развернувшиеся в Дальневосточном регионе на рубеже XIX – XX вв., западные историки (Я. Кусбер,⁸⁰ Дж. Стефан) к предпосылкам революционного взрыва 1905–1907 гг. относили рост забастовочного движения в рабочей среде; деятельность представителей леворадикальных политических партий, но вслед за Д. Гайером называли «главным рычагом» революции неудачную войну с Японией и тяготы военного времени. По мнению Дж. Стефана, в долгосрочной перспективе царские власти невольно подготовили Дальний Восток к революции. Д. Вулф⁸¹ и Ш. Коррадо изучали социокультурные процессы, обусловившие формирование «национальной» и «региональной идентичности» замкнутых сообществ Сахалина и Русской Маньчжурии. Дж. Стефана показал неразрывную связь социокультурных процессов с пробуждением «сибирского регионального сознания» во второй половине XIX в.

В параграфе 4.3. «Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока» рассматриваются труды англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные проблемам аграрной колонизации региона; миграционным процессам; развитию дальневосточной торговли. К изучению аграрной колонизации Дальнего Востока обращались, в первую очередь, немецкоязычные исследователи, которые в начале XX в. давали преимущественно негативную оценку ее итогов (К. Виденфельд, В. Клумберг). Современные авторы (К. Шписс, А. Морич, Д. Ландграф и др.) придерживаются «компромиссной» позиции, признавая как достижения, так и проблемы переселенческого дела на Дальнем Востоке. Англоязычные исследователи акцентировали внимание на социокультурных и экологических аспектах хозяйственной деятельности переселенцев, проблемах взаимодействия представителей различных этносов (Л.Х. Сигельбаум⁸²); стремились вписать экономику российского Дальнего Востока в международный контекст (Дж. Стефан, М. Сокольски), подчеркивая значение геополитических факторов, иностранной конкуренции, международных экономических связей.

Пятая глава «История Русской Америки второй половины XIX в. в освещении англоязычной историографии» посвящена анализу публикаций англоязычных (прежде всего, американских и канадских) авторов, изучавших

⁷⁹ Lensen G.A. Japan and Tsarist Russia – the Changing Relationships, 1875–1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* 1962. Bd. 10. H. 3. S. 337–348; Lensen G.A. *Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899.* Gainesville, 1982. 2 vols.

⁸⁰ Kusber J. *Soldiers' Unrest behind the Front of the End of the War // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905.* Folkestone, 2007. P. 281–290.

⁸¹ Wolff D. *Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East.* Armonk, 1995. P. 40–64; Wolff D. *To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914.* Stanford, 1999.

⁸² Siegelbaum L.H. *Another "Yellow Peril": Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies.* 1978. Vol. 12. No. 2. P. 307–330.

историю Русской Америки второй половины XIX в., и выяснявших причины и последствия ее уступки Северо-Американским Соединенным Штатам. Зарубежные исследователи (Г.Бэнкфрот, Ф.А.Голдер,⁸³ Т. Бейли,⁸⁴ С. Томпкинс, Д.Х. Миллер,⁸⁵ Р.Дж. Дженсен,⁸⁶ Дж. Гибсон,⁸⁷ И. Виньковецкий,⁸⁸ Л. Блэк и др.) определили широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических (отдаленность колоний и трудности их снабжения); политических (обоюдное желание сторон скрепить российско-американскую дружбу; не допустить передачи территории общему врагу – Великобритании; стремление царского правительства сосредоточиться на освоении дальневосточных территорий, воспользовавшись ослаблением Цинского Китая); экономических (преимущественно «континентальный» характер русской колониальной политики, ее негативные последствия в Северной Америке, связанные с эксплуатацией коренного населения и истреблением пушного зверя; столкновение интересов колониальных держав; сложное финансовое положение РАК, экспансионистские устремления американских деловых кругов, стремившихся взять под контроль весь северо-запад континента и торговые пути в Северотихоокеанском регионе и др.).

В Заключение подводятся итоги исследования.

Во второй половине XIX – начале XXI в. в исторической науке англо- и немецкоязычных стран развивалось особое направление, связанное с изучением истории присоединения и освоения русскими Северной Азии и Северной Америки. Особое внимание западными историками уделяется периоду, охватывающему вторую половину XIX – начало XX в. и отмеченному ускорением демографических, социально-экономических, социокультурных процессов, активизацией общественно-политической жизни на восточных окраинах Российской империи. Наиболее заметный вклад в изучение вопросов сибирской истории на Западе внесли историки США, Канады, Великобритании и Германии, где возникли специализированные исследовательские центры (Школа славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне, Немецкое общество по изучению Восточной Европы в Берлине, Семинар по Северо-Восточной Азии в Беркли и др.), были предложены новые подходы к изучению темы. Значительную роль в развитии данного историографического направления играли исследователи – выходцы из России (Ф.Голдер, К.Менерт, М.Раев и др.), активно способствовавшие расширению источниковой базы зарубежного сибиреведения,

⁸³ Golder F.A. The Purchase of Alaska // *The American Historical Review*. 1920. Vol. 25. No. 3. P. 411–425.

⁸⁴ Bailey Th.A. Why the United States Purchased Alaska // *Pacific Historical Review*. 1934. March. Vol. 3. No 1. P. 39–49.

⁸⁵ Miller D. *The Alaska Treaty*. Kingston, 1981.

⁸⁶ Jensen R.J. *The Alaska Purchase and Russian-American Relations*. Seattle, 1975.

⁸⁷ Gibson J.R. Why the Russians Sold Alaska // *The Wilson Quarterly*. 1979. Vol. 3. No. 3. P. 179–188.

⁸⁸ Vinkovetsky I. *Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867*. Oxford, 2011.

созданию архивных и книжных собраний «россики», переводу и публикации исторических документов. Международное сотрудничество историков-сибиреведов активизировалось в конце 1950-х – 1960-х гг. и с конца 1980-х гг., во многом благодаря деятельности новых организационных структур (в 1980-х – начале 1990-х гг. – Семинара сибирских исследований британских университетов, действовавшего в Великобритании и США; после 1990 г. – Фонда Франке в Германии (Галле) и др.).

Западными историками-сибиреведами использовался аналитический инструментарий различных теоретико-методологических подходов (напр., «колониционной», «модернизационной», «имперской» парадигм, концепции «русской восточной экспансии» и др.). В последние десятилетия в рамках рассматриваемого историографического направления, испытавшего на себе влияние «новой социальной истории», «культурного» и «лингвистического поворотов», активно развивались междисциплинарные исследования. Особенностью историко-сибиреведческих исследований второй половины XX – начала XXI в. явилось широкое применение теории «фронттира», позволяющей, по мнению ее приверженцев, глубже понять специфику освоения Сибири. На всех этапах развития для англо- и немецкоязычного сибиреведения был характерен компаративистский подход, позволяющий рассматривать историю восточных краев России в общеевропейском, евразийском и глобальном контексте.

В англо- и немецкоязычной историографии освещается широкий круг проблем, связанных с историей общественно-политического, социально-экономического, социокультурного развития Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки во второй половине XIX – начале XX в. Сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, западные авторы критически оценивали итоги «цивилизаторской миссии» России в Северной Азии, подчеркивая, в частности, негативные аспекты аборигенной и пенитенциарной политики. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала в целом успешной интеграции региона в общеимперское пространство. В современном западном сибиреведении, испытавшем влияние «культурного поворота» в историографии, значительное внимание уделяется изучению проблем самосознания индивидов и социальных групп, духовной культуры населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры как «пространство»).

Анализируя социально-экономические процессы в дореволюционной Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России в Северной Азии, зарубежные историки называют крестьянскую колонизацию и успехи сельскохозяйственного развития региона, отмечая в целом благотворное влияние переселений на экономическое развитие Азиатской России. Значительное внимание место в англо- и немецкоязычной историографии уделяется проблемам развития транспортной инфраструктуры региона, прежде всего, анализу причин и последствий сооружения трансконтинентальной

железнодорожной магистрали. Подчеркивая всеобъемлющее воздействие, которое Транссибирская магистраль оказала на социально-экономические и социокультурные процессы в регионе, западные историки также указывают на ее военно-стратегическое и геополитическое значение.

Особое место в западной историографии (в первую очередь, англо-американской) занимает тема освоения русскими Дальнего Востока, Северо-Тихоокеанского региона и Северной Америки. Со времени публикации первых работ, посвященных присоединению к России Приамурья и Приморья, в центре внимания англо- и немецкоязычных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты «русской восточной экспансии», но и географические, демографические, социально-экономические факторы. При всем разнообразии концепций, предложенных исследователями, можно выделить две основные тенденции в освещении темы. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте, экспансионистских устремлениях России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе «сфер влияния» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении. В англоязычной историографии, посвященной заключительному этапу истории Русской Америки, определен широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических, политических; экономических военно-стратегических. В целом оценки западных исследователей, прежде всего, зависели от общего понимания ими характера российско-американских отношений в период, предшествовавший продаже Аляски, от того, как интерпретировались эти отношения — в терминах сотрудничества или соперничества.

К началу XXI в. зарубежные специалисты по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки проделали значительный путь, ими был накоплен богатый источниковый и историографический материал. Вместе с тем, в англо- и германоязычной историографии не существовало некоей единой, доминирующей концепции присоединения и освоения огромных пространств Северной Азии и Северо-Тихоокеанского региона. Переосмысление накопленного историографического опыта возможно в рамках масштабного обобщающего исследования, комплексно рассматривающего различные аспекты «русской восточной экспансии». Решению данной задачи, предполагающей привлечение большого исследовательского коллектива, должна способствовать деятельность специализированных центров и структур, ориентированных на изучение сибирской проблематики.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Ананьев Д.А.** Проблемы истории Русской Америки в освещении англо- и германоязычной историографии / Ананьев Д.А. // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 1. – С. 47–54. – 0,8 п.л.

2. **Ананьев Д.А.** История Сибири конца XVI – начала XX в. в англо-германоязычной историографии: основные концепции и подходы к изучению / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 3–6. – 0,5 п.л.

3. **Ананьев Д.А.** Проблемы социально-экономического развития Сибири (XVII – начала XX вв.) в освещении англо- и германоязычной историографии / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 8–11. – 0,5 п.л.

4. **Ананьев Д.А.** Сибирский «фронтир» (XIX — начало XX вв.) в оценках англо- и германоязычной историографии / Ананьев Д.А. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 10 (126). – 2013. – С. 17–23. – 0,7 п.л.

5. **Ананьев Д.А.** Выходцы из западных окраин Российского государства в Сибири (XIX — начало XX вв.): взгляд зарубежных историков / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – № 1. – 2014. – С. 8–11. – 0,5 п.л.

6. **Ананьев Д.А.** Проблемы аграрной истории Сибири XIX – начала XX вв. в оценках англо- и германоязычной историографии / Ананьев Д.А. // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 91–98. – 1 п.л.

Web of Science: Anan'ev D.A. Problems of agrarian history of Siberia of the XIX – early XX century / Anan'ev D.A. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. – 2014. – № 383. – P. 91–98.

7. **Ананьев Д.А.** Проблемы истории освоения Российской Арктики в XIX – начале XX в. в освещении англо- и германоязычных авторов / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 4. – С. 5–9. – 0,5 п.л.

8. **Ананьев Д.А.** Изучение дореволюционной истории Сибири в научных центрах США в XX веке / Ананьев Д.А. // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1 (75). – С. 123–127. – 0,5 п.л.

9. **Ананьев Д.А.** Источники по дореволюционной истории Сибири в архивных и книжных собраниях Великобритании, США, Канады и Германии / Ананьев Д.А. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-4 (62). – С. 11–16. – 0,5 п.л.

10. **Ананьев Д.А.** Изучение дореволюционной истории Сибири в Германии в XX веке / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 3. – С. 55–59. – 0,5 п.л.

11. **Ананьев Д.А.** Современные англоязычные и немецкоязычные исследователи о формировании понятия «сибирская идентичность» (XIX – начало XX вв.) / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – № 4. – С. 5–10. – 0,8 п.л.

12. **Ананьев Д.А.** Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX – начало XXI вв.) / Ананьев Д.А. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 45. – С. 120–132. – 1 п.л.

Web of Science: Anan'ev D.A. Peasant Resettlement to Siberia and Far East during the post-reform era as evaluated by the Anglo-American and German researchers (late XIX – early XX century) / Anan'ev D.A. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal. History. – 2017. – № 45. – P. 120–132.

13. **Ананьев Д.А.** Продажа Аляски в оценках американской и канадской историографии (конец XIX – начало XXI вв.) / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – № 3. – С. 5–11. – 0,8 п.л.

14. **Ананьев Д.А.** Русско-аборигенные отношения в Сибири и на Дальнем Востоке (1820-е гг. – нач. XX в.) в освещении англоязычных и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – № 4. – С. 28–33. – 0,8 п.л.

15. **Ананьев Д.А.** История освоения Северного морского пути в освещении англо- и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2018. – № 3. – С. 5–15. – 0,8 п.л.

16. **Ананьев Д.А.** Англо- и германоязычные историки о проблемах общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – № 4. – С. 5–11. – 0,8 п.л.

17. **Ананьев Д.А.** Ссылка и каторга в Сибири и на Дальнем Востоке (2-я пол. XIX – начало XX вв.) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 62. – С. 145–156. – 1,5 п.л.

Web of Science: Anan'ev D.A. Exile and Penal Labour in Siberia and Far East (2nd half of the XIX – early XX century) in the Works of the English- and German-language researchers / Anan'ev D.A. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal. History. – 2019. – № 62. – P. 145–156.

18. **Ананьев Д.А.** Присоединение Приамурья и Приморья к России (середина XIX в.) в оценках англо- и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – № 1. – С. 41–49. – 1 п.л.

19. **Ананьев Д.А.** История Дальнего Востока России «позднеимперского» периода в освещении англо- и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 889–898. – 1,25 п.л.

20. **Ананьев Д.А.** Дальневосточная политика России конца XIX – начала XX в. в освещении англо- и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4 (73). – С. 32–40. – 1 п.л.

Scopus: Anan'ev D.A. Far Eastern Policy of Russia in the late XIX – early XX century in the works of the English- and German-language researchers / Anan'ev D.A. // Ural'skiy Istoricheskiy Vestnik – Ural Historical Journal. – 2021. – № 4. – P. 32–40.

21. **Ананьев Д.А.** Англо-американские и немецкие исследования по истории дальневосточной политики России позднеимперского периода в оценке зарубежной и отечественной историографии (вторая половина XX – начало XXI в. / Ананьев Д.А. // Исторический курьер. 2021. – № 5 (19). – С. 165–179. – DOI: 10.31518/2618-9100-2021-5-14 – 1,5 п.л.

22. **Ананьев Д.А.** История освоения российской Арктики (конец XVI – XX вв.) в трудах Теренса Армстронга / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – № 4. – С. 41–49. – 1 п.л.

23. **Ананьев Д.А.** История освоения российской Арктики и Северного морского пути в XX веке в освещении отечественной и зарубежной (англоязычной) историографии: основная проблематика исследований / Ананьев Д.А. // Исторический курьер. – 2022. – № 3(23). – С. 222–237. – DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-16 – 1,5 п.л.

Монографии:

24. **Ананьев Д.А.** История Сибири конца XVI – начала XX вв. в англо- и германоязычной историографии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 289 с. – 15,5 п.л.

Разделы в коллективных монографиях:

25. **Ананьев Д.А.** Западная историография хозяйственного и социокультурного освоения Сибири в XVII – XIX вв. / Ананьев Д.А. // М.В. Шиловский, Т.С. Мамсик, Д.Я. Резун [и др.]. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья. – Новосибирск, 2009. – С. 8–39. – 1,5 п.л.

Статьи в прочих научных журналах:

26. **Anan'ev D.A.** Russia's Alternative to the Great Silk Road: Reasons for Construction of the Trans-Siberian Railway (Views in Historiography) // International Journal of Central Asian Studies. – Vol. 18. – 2014. – P. 69–83. – 0,5 п.л.

27. **Ананьев Д.А.** Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии / Ананьев Д.А. // Исторический курьер. – 2018. – № 1. – С. 201–213. – DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-17 – 0,8 п.л.

28. **Ананьев Д.А.** Женщины в ссылке и на каторге в Сибири и на Дальнем

Востоке (вторая половина XIX — начало XX вв.): взгляд англо-американских исследователей / Ананьев Д.А. // Исторический курьер. – 2019. – № 3 (5). – С. 263–277. – DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-21 – 1,5 п.л.

29. **Ананьев Д.А.** Сахалинская каторга в оценках современных англо-американских и немецких историков / Ананьев Д.А. // Гуманитарные науки в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 2. – С. 55–64. – 1 п.л.

30. **Ананьев Д.А.** Миграционные процессы и проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей / Ананьев Д.А. // Исторический курьер. – 2020. – № 4 (12) – С. 29–42. – DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-3. – 1,2 п.л.

Статьи в прочих научных изданиях:

31. **Ананьев Д.А.** Западная историография присоединения и начального освоения Сибири в оценках отечественных исследователей / Ананьев Д.А. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. мат. регион. молодеж. науч. конф. – Новосибирск, 2007. – С. 5–13. – 0,5 п.л.

32. **Ананьев Д.А.** Англо- и германоязычная историография научного освоения Сибири и Дальнего Востока в XVIII веке: основные концепции и проблемы / Ананьев Д.А. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регион. науч. конф. – Новосибирск, 2007. – С. 50–59. – 0,5 п.л.

33. **Ананьев Д.А.** Северная Азия и Северная Америка в аспекте колониального управления (XVII–XVIII вв.) / Ананьев Д.А. // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия: Сб. мат. междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2008. – С. 134–143. – 0,5 п.л.

34. **Ананьев Д.А.** Колин Уайт: сравнительный анализ процессов адаптации в ходе колонизации Северной Америки и Северной Азии в XVII – XIX вв. / Ананьев Д.А. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Мат-алы науч.-практич. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). – Новосибирск, 2008. – С. 44–47. – 0,5 п.л.

35. **Ананьев Д.А.** Западные историки о роли государства в хозяйственном освоении Сибири и Дальнего Востока в XVII – середине XIX в. / Ананьев Д.А. // Государство и общество Сибири XVII–XX веков. – Новосибирск, 2008. – С. 23–31. – 0,5 п.л.

36. **Ананьев Д.А.** Источниковая база западной историографии освоения Сибири в конце XVI – XIX вв. / Ананьев Д.А. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов III регионал. молодеж. науч. конф. – Новосибирск, 2009. – 0,5 п.л.

37. **Anan'ev D.A.** Northern Asia and North America in Terms of Colonial Administration (XVII – XVIII cc.) / Anan'ev D.A. // Asiatic Russia: Partnerships and Communities in Russia. New Dehli, 2009. – P. 40–49. – 0,5 п.л.

38. **Ананьев Д.А.** Западная историография XX века: основные концепции и теоретические подходы к изучению сибирской колонизации конца XVI – XIX века / Ананьев Д.А. // Исторический ежегодник. – Новосибирск, 2008. – С. 19–29. – 0,5 п.л.

39. **Ананьев Д.А.** Проблемы освоения Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона (в XVII – середине XIX вв.) в западной историографии» / Ананьев Д.А. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. мат. Четвертой регион. молодеж. науч. конф. – Новосибирск, 2010. – С. 48–54. – 0,5 п.л.

40. **Ананьев Д.А.** Основные концепции присоединения Сибири к России в западной историографии / Ананьев Д.А. // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: Сб. науч. ст. – Иркутск, 2010. – С. 59–69. – 0,5 п.л.

41. **Ананьев Д.А.** The History of Appropriation of Central Asia in the light of the concept of “Geographical Determinism” and theory of “Heartland” / Anan’ev D.A. // Globalization in Siberia and the Russian Far East. – Kolkata, 2010. – P. 49–54. – 0,3 п.л.

42. **Anan’ev D.A.** The “Frontier” Revisited – Trends in Siberian Historiography” / Anan’ev D.A. // Communities, Institutions and “transition” in Post 1991 Eurasia. – Kolkata, 2011. – P. 80–97. – 1 п.л.

43. **Ананьев Д.А.** Проблемы политической адаптации населения Сибири в западной историографии» / Ананьев Д.А. // Сб. материалов регион. науч. конф. «VII Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского». – Новокузнецк, 2011. – С. 4–10. – 0,5 п.л.

44. **Anan’ev D.A.** The New Edition of the History of Siberia: Reviewing and Summarizing Trends in Contemporary Siberian Historiography / Anan’ev D.A. // Eurasia Twenty Years After. – Kolkata, 2012. – P. 108–125. – 0,8 п.л.

45. **Ананьев Д.А.** Проблемы освоения российской Арктики в XVII – XIX вв. в освещении англо- и германоязычной историографии» / Ананьев Д.А. // Государственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. – Новосибирск, 2012. – С. 36–49. – 1 п.л.

46. **Ананьев Д.А.** Англо- и германоязычная историография о присоединении и освоении Сибири в конце XVI – начале XX вв.: основные концепции и подходы к изучению / Ананьев Д.А. // Краины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России (Мат-лы межд.науч.конф., Казань, 29–30 ноября 2012 г.). – Казань, 2015. – С. 92–98. – 0,4 п.л.

47. **Anan’ev D.A.** Siberian Regionalism in the Second Half of the Nineteenth to the Early Twentieth Centuries: Views in Historiography / Anan’ev D.A. // Globalising Geographies. Perspectives from Eurasia. – New Dehli, 2015. – P. 99–114. – 0,6 п.л.

48. **Ананьев Д.А.** Проблемы истории присоединения и освоения Дальнего Востока в XVII–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии / Ананьев Д.А. // Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв.: Сб. науч. ст. – Владивосток, 2015. – С. 204–225. – 1 п.л.

49. **Ананьев Д.А.** История Сибирской каторги и ссылки (2-я пол. XIX – начало XX в.) в работах англо- и немецкоязычных исследователей // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участ. В 2-х частях. – Томск, 2019. – С. 260–265. – 0,3 п.л.

50. **Ананьев Д.А.** К истории международных научных связей Сибири и Индии / Ананьев Д.А. // На пути к вершинам исторической науки. К 85-летию члена-корреспондента РАН Владимира Александровича Ламина. Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2021. – С. 57–69. – 0,5 п.л.